

Малыш снова неохотно прижался к груди брата, хоть она и не была широкой, но всё же теплой. Лицо Е Наньфэна снова потемнело: сопли и слезы уже пропитали его утреннюю одежду, и он чувствовал, что она стала мокрой.

Он сдерживал себя изо всех сил, чтобы не оттолкнуть эту маленькую голову и не заставить брата отойти самому.

Когда малыш наконец оторвался от его груди, Е Наньфэн с облегчением вздохнул, но его облегчение было недолгим. Выражение лица брата, полное презрения, снова вывело его из себя, едва не доведя до ярости.

Он напомнил себе, что должен сдерживаться. Ему наконец удалось успокоить брата, и нельзя всё испортить. В конце концов, это его младший брат, человек, которого он держит в своем сердце, его единственная связь и опора в этом мире.

После этого внутреннего монолога он натянул улыбку, которая больше походила на гримасу.

— Ладно, — мягко сказал он. — Теперь можешь рассказать брату, что случилось?

Он вытер слезы с лица брата и достал из кармана платок, чтобы убрать сопли, после чего почувствовал себя немного спокойнее.

Е Наньмянь, увидев, что брат стал более мягким, решил, что тот наконец осознал свою ошибку и теперь пытается загладить вину. Поэтому он наконец заговорил:

— У меня... зуб выпал.

С этими словами он разжал свою маленькую пухлую руку, в которой крепко сжимал что-то, и чуть не заплакал снова.

Е Наньфэн поспешно сказал:

— Зуб выпал? Это же не повод для слез. Ты ведь мужчина, а не плакса. Посмотри, у меня тоже зуб шатается, но я ведь не плачу, правда?

Е Наньмянь, всхлипывая, ответил:

— Но если зуб выпал, я не смогу есть. Мне больно, и я не смогу есть свои любимые блюда: утиные лапки, тушеные говяжьи сухожилия, свиные ребрышки, «прыжок бессмертного»...

Е Наньфэн быстро прервал его:

— Хватит, я понял. А ты знаешь, что означает выпадение зуба?

Е Наньмянь с подозрением посмотрел на брата и кивнул:

— Зуб выпал — значит, я не смогу есть свои любимые блюда, будет больно, Ян Янькой будет надо мной смеяться, меня не будут уважать, брат не будет обращать на меня внимания, всегда будет мной недоволен. А еще...

Е Наньфэн схватился за лоб, затем потер переносицу.

— Ладно, я не об этом, — сказал он. — Речь идет о том, что это меняет твою жизнь.

Е Наньмянь задумался, но честно признался:

— Не знаю.

Е Наньфэн подумал: «Конечно, ты не знаешь, я ведь это всё выдумал». Но вслух сказал:

— Выпадение зуба означает, что ты растешь. Эти зубы называются молочными, они появляются, когда ты пьешь молоко. Когда они все выпадут, это будет означать, что ты стал взрослым.

Е Наньмянь снова честно покачал головой.

— Почему нужно терять зубы, чтобы расти? — спросил он. — Нельзя ли вырасти, не теряя зубов? Я не хочу терять зубы, брат.

Е Наньфэн, слушая эти странные вопросы, снова набрался терпения.

— Нет, так не получится, — объяснил он. — Чтобы вырасти, нужно потерять зубы. Ты можешь выбрать только одно: либо растешь, либо сохраняешь зубы.

Е Наньмянь задумался, потому что хотел и того, и другого. Взрослеть — значит, он сможет делать больше вещей, и брат перестанет его презирать и игнорировать. Раньше брат был другим, но после того, как они вернулись из храма Хуаань, всё изменилось.

Е Наньфэн, уставший от разговора, решил дать брату время подумать. До уроков еще было много времени, и он мог разобраться сам.

В итоге Е Наньмянь всё же выбрал и то, и другое.

Е Наньфэн снова объяснил, что можно выбрать только одно, и рассказал, что зубы не выпадают все сразу, а постепенно, один за другим, и на их месте вырастают новые. Только тогда малыш наконец решил, что хочет вырасти и стать высоким.

Е Наньфэн, услышав это, почувствовал, как будто его только что заставили стоять в стойке всадника целый час. Он боялся, что брат не выберет ничего или решит сохранить зубы, и ему

придется снова уговаривать его выбрать рост.

Решив, что наконец всё закончено, он попытался взять брата за руку, чтобы уйти, но тот не двигался.

Е Наньфэн, уже всерьез разозлившись, спросил:

— Что еще?

Е Наньмянь, увидев, что брат снова стал строгим, почувствовал себя обиженным. Но он понял, что, если не будет слушаться, брат действительно может перестать обращать на него внимание.

— Я хочу всегда спать с братом, — сказал он, собравшись с духом. — Вчера я не мог заснуть один. И брат должен больше заботиться обо мне, не игнорировать меня, не предавать меня, не оставлять меня у мамы. Ты можешь наказывать меня, как хочешь, но я не хочу идти к маме.

— Я несколько дней ждал, когда брат заметит, что у меня скоро выпадет зуб. Я не мог есть мясо, боялся, что больше не смогу есть свои любимые пирожные, поэтому каждый день ел их. Но теперь я их не люблю, боюсь, что больше не смогу их есть, и мне больно, только когда я ем пирожные, но я их больше не люблю.

С этими словами он снова заплакал, его лицо выражало глубокую печаль.

Е Наньфэн, слушая эти требования, сначала разозлился, но потом чуть не рассмеялся, наконец поняв, в чем была причина всех этих капризов.

Когда он воспитывал свою сестру в прошлой жизни, он сталкивался с подобной ситуацией. Но в этой жизни, в глубине души, он не до конца воспринимал Е Наньмяня как своего брата. Хотя они давно жили вместе, подсознательно он всё еще видел в нем главного героя этого мира, у которого были родители, и не всё зависело от него самого. Поэтому он не уделял ему достаточно внимания и не замечал его настоящих проблем, скрытых за капризами.

Он не относился к нему как к врагу или будущему сопернику, как это бывало в романах, но всё же держал дистанцию.

Хотя это и не был его родной брат, он видел, что ребенок всё больше привязывается к нему. Перед другими он был озорным и непослушным, но перед ним всегда вел себя смиренно и старался угодить, даже делился с ним всем хорошим, что у него было.

Е Наньфэн подумал, что, видимо, он всё еще не стал настолько черствым, как в прошлой жизни. «Почему же тогда так многие меня боялись?» — удивился он.

Он слегка ущипнул его мокрое от слез лицо и вздохнул:

— Ладно, я всё обещаю, хорошо?

Затем снова ущипнул его, подумав: «Какое грязное и некрасивое лицо».

Е Наньмянь широко открыл глаза и радостно посмотрел на него:

— Брат, ты ведь не обманешь? Слово мужчины — как стрела, его не вернуть.

Е Наньфэн:

— Знаю, пошли.

Он снова попытался увести брата, но тот не двигался. Е Наньфэн уже собирался отругать его, но услышал, как малыш, держа в руке выпавший зуб, снова начал хныкать:

— Брат, я хочу похоронить свой зуб, чтобы потом приходить и смотреть на него, если захочу.

Е Наньфэн, уже потерявший всякое терпение, просто сказал:

— Как хочешь.

Он наблюдал, как брат присел на корточки, и только тогда заметил небольшое углубление в земле у его ног. «Он пришел сюда, чтобы похоронить свой зуб», — подумал он, чувствуя смесь удивления и раздражения.

Детская логика была ему непонятна. Зуб — это всего лишь зуб, зачем его хоронить?

Е Наньмянь, увидев, что брат стоит в стороне и не помогает, потянул его за руку:

— Брат, давай вместе его похороним, хорошо?

Е Наньфэн сначала посмотрел на руку брата. К счастью, тот использовал какой-то инструмент, чтобы выкопать ямку, а не копал руками. «Слава богу, — подумал он, — одежда уже испачкана, но пусть хотя бы руки останутся чистыми».

Е Наньфэн, уже смирившийся, просто согласился:

— Делай, что хочешь.

Итак, братья похоронили зуб.

После этого Е Наньфэн решил осмотреть рот брата:

— Открой рот, я посмотрю, какой зуб выпал.

Е Наньмянь открыл рот, и Е Наньфэн внимательно осмотрел его. Не видя, где именно выпал зуб, он, не обращая внимания на грязные руки, оттянул нижнюю губу и увидел, что один из нижних резцов отсутствовал.

<http://bllate.org/book/15521/1379641>